

Елена Кароль

ЗАЗЕРКАЛЬЕ ДЛЯ ЕВЫ

•

СОВУШКА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

•

ДЖИНН НА ПОЛСТАВКИ

•

ЭЛЬФИЙКА ВИШНЕВЫХ КРОВЕЙ

ЗАРЯ В АКАДЕМИИ КРОВИ

ПЕСЕЦ БИБЛИОТЕЧНЫЙ, ПОДВИД КРОВОЖАДНЫЙ

•

МОЛЧАНИЕ? ДОРОГО!

•

СВЯТАЯ. ИГРА ПО ТЕМНЫМ ПРАВИЛАМ

•

МОЕ СМЕРТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Елена Кароль

Мое смертельное счастье

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2017
АРМА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К25

Серия основана в 2011 году
Выпуск 257

Художник
М. Поповский

Кароль Е.

К25 Мое смертельное счастье: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2378-1

Она — воровка и уже не раз преступала закон. Он — маршал и стоит на страже закона. Она — единственная наследница огненного трона демонов и самая выгодная партия на всем континенте. Он — проклятый, чей удел пожирание эмоций преступников и вечное одиночество.

Что может быть между ними общего? С первого взгляда ничего. И со второго вроде бы тоже... Но иногда всего лишь обычный дождь может стереть даже нерушимые границы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Елена Кароль, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2378-1

ПРОЛОГ

Дождь...

Наверное, это был первый сильный дождь в этом году. Не морось, не накрапывание, а настоящий полноценный ливень.

Кто бы мог подумать...

А ведь еще час назад светило солнце и на небе не было ни облачка.

Минут пять посмотрев на то, как разверзлись небеса, я поняла, что не хочу стоять под козырьком, как все. Не хочу ждать. Не хочу надеяться на чудо.

Чудес не бывает.

Горькая тень улыбки всего на мгновение легла на губы, и я, сняв солнечные очки и убрав их в сумку, решительно шагнула под дождь, наплевав на то, что у меня не было зонта. Волосы промокли уже через минуту, превратившись в сосульки, с которых не капало, а лилось. Пиджак намок моментально, особенно плечи, и теперь вода медленно, но уверенно просачивалась под него. Я на мгновение задумалась о телефоне и бумагах: паспорте, блокноте и книге, лежащих в сумке, но лишь плотнее прижала ее к себе, чтобы вездесущий дождь не пробрался внутрь.

Хотя... Ерунда... Подумаешь, блокнот. И даже паспорт... Даже телефон. Это все ерунда. До дома — всего двадцать минут пешком, так что ничего не случится. Непоправимого точно не случится.

Я усмехнулась... Последние несколько недель я могла лишь усмехаться и пытаться изобразить улыбку. Получалось плохо. Только подумала и поняла, что снова плачу. Ерунда... Все равно дождь, никто не увидит. Да и рядом — никого...

Прикрыв глаза, потому что помнила дорогу наизусть, я пыталась отрешиться от боли. Получалось плохо, но я старалась.

Мимо проехала машина, окатив меня грязной дождевой водой и забрызгав не только туфли, но и бежевую юбку. Даже не дернулась. Даже не усмехнулась, только снова открыла глаза. Подумаешь, юбка...

Меня снова начала охватывать апатия. Вязкая, гулкая, глухая... За свои недолгие двадцать три года я ни разу не задумывалась о том, что мы смертны. Мне всегда казалось, что родители будут жить вечно. Глупая...

Случай. Нелепый. Страшный.

И все.

И я больше не могу...

— Господи, почему?..

Наверное, этот вопрос задавали ему многие до меня. Но, как и многим, он мне не ответил. Ни тогда, ни сейчас.

Снова машина...

На этот раз мне не повезло еще больше, и меня окатили буквально с головы до ног.

Гадко... Замерла. Закрыла глаза. Выдохнула... И горько улыбнулась.

Реальность. Суровая реальность.

Мотнула головой и шагнула в сторону от края тротуара, подальше от проезжей части. Сама виновата.

— Девушка!

Я поняла, что обращаются ко мне, только тогда, когда мужчина торопливо подошел ближе и попытался взять за руку.

— Деву...

— Не трогайте... — Мой голос был сиплым, а слова — невнятными, но мужчина понял их смысл и поморщился.

Да, голос у меня неприятный. Последние несколько недель.

— С вами все в порядке?

— Да. — Я старалась не смотреть на него и даже попыталась обойти, но он шагнул навстречу, и я прошептала: — Не надо.

— Я вас обрызгал. Извините. Вы далеко живете? Подвезти? У вас горе? Я могу...

— Нет. — В душе поднялась злоба. Неконтролируемая. Сокрушительная. Уничтожающая. В первую очередь, опустошающая меня саму.

— Но, может...

— Уйди. С дороги. Не мешай.

Дождь, кажется, стал еще сильнее, но я с вызовом вздернула подбородок и, глядя прямо в темно-серые глаза незнакомца, процедила:

— Ты ничего не можешь. А теперь уйди.

— Я могу помочь. — Мужчина оказался занудным и упрямым. Одетым в дорогой костюм, серую рубашку и темно-синий галстук. А еще — высоким и широкоплечим. И он совершенно не обращал внимания ни на мой сиплый, неприятный голос, ни на мои красные уже несколько недель глаза.

— Чем?

— Многим. — Он был не только упрям, но еще и серьезен.

— Мне не надо многого...

— Я доведу. — Упрямо сжатые губы намекали на то, что этот «рыцарь» не отстанет, пока не оправдается хотя бы перед самим собой.

Что ж...

— Хорошо.

Посмотрела налево... Да, та самая машина, которая обрызгала меня второй раз. Очень дорогой внедорожник. Что ж, если ему не жалко обивку...

— Садитесь.

Несмотря на то что я ему нагубила, мужчина вел себя очень сдержанно, вежливо и даже открыл передо мной пассажирскую дверь, чтобы я села.

Села.

— Октябрьская, девять.

Закрыла глаза и обняла себя руками. Май... Всего лишь май. Коварный и изменчивый. Даже хорошо, что промокла насквозь, давно надо было заболеть. Не могу больше ходить на работу и смотреть на их сочувствующие лица. Лживые...

На самом деле до дома оставалось всего минут семь пешком — один светофор да два дома вглубь. Но раз ему надо совершить добрый поступок... Пусть хоть ему сегодня будет хорошо.

— Я вижу, вам плохо. Я могу помочь?

— Нет.

— И все-таки...

— Вы мне поможете, если замолчите.

Я не могла быть вежливой. Физически не могла. За эти три недели я поняла, что ненавижу сочувствие. Оно убивало...

— Хорошо...

Он ответил недовольно, но замолчал.

Ровное и едва слышное урчание мотора убаюкивало и почему-то успокаивало. Было в нем нечто такое... умиротворяющее.

И лишь минут через семь я поняла, что мы слишком долго едем.

Резко распахнула глаза.

— Куда вы меня везете?

За окном была совсем иная улица, причем та, что вела за город. Мы ехали с такой скоростью, что дома буквально мелькали, сливаясь в одну серую дождливую полосу.

А он все не отвечал.

Лишь в зеркале заднего вида отражались его слегка прищуренные недовольные серые глаза.

Что ж...

— Хорошо, не говорите. Когда начнете убивать, пожалуйста, сделайте это быстро. Не люблю боль.

Сиплый шепот неприятно резанул слух, но Кирилл лишь сильнее поджал губы. Сама просила замолчать. А он уважает желание дамы.

Вот только, судя по тому, что дама закрыла глаза, в которых едва ли теплилась жизнь, она не приукрашивала. Она действительно была на грани, когда уже плевать на то, что будет, потому что хуже уже быть не может. С этой мыслью в памяти всколыхнулись не самые приятные воспоминания, и он горько усмехнулся.

Хуже быть может. Причем настолько, что даже представить невозможно... Это возможно лишь пережить самому.

ГЛАВА 1

Мы приехали.

Куда-то точно приехали. Наверное, я впала в транс, а может, просто уснула, но очнулась я рывком, причем именно тогда, когда машина остановилась и незнакомец заглушил мотор. Мы были внутри какого-то помещения... маленького помещения.

Хватило всего пары секунд, чтобы понять — мы в гараже.

Еще через секунду он вышел из машины и открыл мне дверь, терпеливо дожидаясь, пока я выйду.

Что ж...

— Где мы?

И снова молчание и почему-то недовольный взгляд.

Нахмурившись, потому что не понимала его поведения, я повысила голос, который от этого стал еще ниже и неприятнее:

— Почему вы не отвечаете? Ответьте!

— Как пожелаете... — наконец открыв рот, незнакомец усмехнулся уголками губ. — Мы у меня дома. Вам необходимо переодеться в сухое.

— Я хочу домой.

— После. Сначала вы переоденетесь в сухое.

Какой бред...

Мужчина не производил впечатления больного или маньяка, но мне все равно стало не по себе. Что за ненормальная навязчивость? Что за ненормальный Робин Гуд, помогающий мокрым библиотечным крысам?

— Зачем вы это делаете? — Я все-таки вышла из машины, но он не стал отвечать, вместо этого перехватив меня за локоть и направившись к боковым дверям. — Кто вы вообще такой?!

— Кирилл. Кирилл Саминов.

Мой бог...

Я запнулась на ровном месте, но не упала, он не позволил.

— Я. Хочу. Домой.

За эти три недели было выпито столько успокоительного, что сейчас я с трудом, но удержала себя в руках. Дернулась... Но меня никто не отпустил, и моим словам никто не внял.

— Обязательно. После.

— Нет. Я никуда не пойду.

— Анна...

То, что он знал, как меня зовут, почти не стало для меня новостью.

— Нет!

Я никогда не видела его лично. И, если честно, надеялась, что никогда не увижу. Я знала лишь, что он высок, сероглаз и темноволос.

Но я бы никогда не подумала, что он может просто взять и увезти меня к себе...

Меня. Зачем? Неужели?.. Неужели он в курсе?..

— Анна, я ведь могу заставить. Вы знаете.

В его серых глазах промелькнула усмешка, когда я снова безуспешно дернулась.

— Пожалуйста, не делайте себе хуже. Я ведь просто хотел помочь...

— Отпустите мою руку. — Я уже не сипела — я шептала.

Понимала, что сама подписала себе приговор, когда села в его машину, но...

Но когда он отпустил и сделал шаг вправо, а затем открыл дверь и махнул в сторону коридора рукой, я поняла, что он знал. Он все знал уже тогда, когда предлагал подвезти. Знал, что у меня никого нет. Что меня не хватятся. Что за меня никто не вступится. Он знал, что я не так чиста перед законом, как думали большинство окружающих.

Неужели он знал абсолютно все?

— Еще нет, но вы можете рассказать мне сами...

Я шла впереди, причем сама, а он — на шаг позади, но его тихие слова я слышала так хорошо, словно он сказал их мне на ухо. Чертов эмпат... Выходит, я сама подписала себе вышку?

Длинный коридор оканчивался большим холлом с лестницей, ведущей наверх. Ну и куда? Прямо, налево, наверх?

— Наверх. Второй этаж, налево, вторая комната. Это гостевая. В ванной есть полотенца. Сухую одежду принесут.

Он больше не скрывал ни своего статуса, ни своих способностей, ни того, что я обязана подчиняться его словам как приказам.

А как иначе, если с тобой разговаривает сам маршал?

— Анна, мне очень жаль, что ваши родители погибли. Поверьте...

— Ни слова!

Плевать, что маршал. Я ненавижу сочувствие в любом виде. Даже от того, кто царь и бог этой местности.

— Вам наверх.

Серые глаза потемнели еще больше и стали почти черными, но я видела и не такое — не испугалась. Лишь выпрямилась, как струна, кивнула и ушла наверх.

Наверху, на втором этаже «того самого» дома, которого боялись все, кто был так или иначе связан с миром *иных*, я без труда нашла вторую дверь.

Не поняла. Это гостевая? Странно... Комната поражала своими размерами и оформлением. Куда ни глянь — то настоящий персидский ковер известных мастеров (уж я-то в этом разбиралась!), то дизайнерская резная мебель, то картины, которые даже на черном рынке невозможно продать, потому что они все — в неприкосновенном списке.

Если это гостевая, то какова хозяйская?!

Хотя... Мне это неинтересно.

Ванную я нашла сразу, но туда не пошла, а прошла в спальню (о ее шикарном содержимом умолчу, это было выше моего понимания).

Поймав свой взгляд в большом зеркале на полстены, я тускло улыбнулась. На меня смотрела мокрая, грязная, безликая бывшая сирена. Улыбка превратилась в гротескный оскал, и я отвернулась. Не могу. Не хочу! Я слишком похожа на маму... И лишь багровые глаза — папины. Багровые, с полопавшимися сосудами, пугающие всех без исключения, когда я снимала солнечные очки, которые носила последние три недели.

В огромную ванну из черного мрамора хлынула обжигающе горячая вода, грязные и насквозь мокрые вещи полетели на пол одна за другой. Налив в воду самых разных пен и насыпав многочисленных солей, спустя минут пять я легла в мини-бассейн, не став дожидаться, пока вода наберется до верха.

Я никогда не любила воду, предпочитая сокращать контакт с ней до минимума, но три недели назад во мне что-то перегорело. Сломалось. Засбоило. Поменялось полюсами. Заледенело.

Сирена, которая могла очаровать собеседника в секунды, потеряла голос и теперь могла либо шептать, либо сипеть. Демоница, когда-то умеющая вызывать огонь на кончиках пальцев, теперь предпочитала каждый вечер принимать душ, смывая безысходность и боль одиночества водой.

Анналиррия, чьи родители погибли в авиакатастрофе, стала просто Аней. Девушкой без способностей. Девушкой, не имеющей смысла жизни. Девушкой без будущего.

Зачем он привез меня к себе и теперь требует, чтобы я привела себя в порядок? Почему не убить сразу?

— Да. Нет. Да, я обяза...

Прошло от силы десять минут, когда дверь ванной комнаты открылась, и в нее вошел разговаривающий по телефону Кирилл, уже успевший снять пиджак и на ходу развязывающий галстук.

Увидел меня... Замер.

— Я перезвоню.

Сбросил вызов, наклонил голову набок...

— Анна?

— Да?

Я тоже не совсем понимала, причем в первую очередь — его реакцию. Он вел себя так, словно не ожидал меня здесь увидеть. Слава всем богам, вода с обильной пеной была мне уже по грудь, скрывая все то, что положено скрывать от посторонних глаз.

— Это моя ванна.

— Но...

Его тихое заявление обескуражило. Не может быть!

— Да, это мои комнаты. Анна, я сказал — вторая дверь налево.

О мой бог...

— Простите...

Впервые за много лет мне стало стыдно. Стыдно, потому что я вошла во вторую дверь, но справа.

Он ничего не ответил. Постоял еще несколько секунд, задумчиво рассматривая мое пылающее лицо, затем осуждающе качнул головой и вышел, уже в дверях тихо добавив:

— Служанка принесет сухие вещи сюда, не торопитесь. Я буду внизу.

В голове билась лишь одна мысль: позор. Почему я пошла направо? Почему не так, как сказал он? Что за чертовщина?! Взгляд сумасшедшей белкой метался по комнате, не в силах остановиться на деталях. Вот почему тут все так дорого... Вот почему тут все так изысканно... Мой бог...

Не знаю, сколько времени я так просидела. Лишь шорох закрывающейся двери вывел меня из оцепенения, но все, что я успела увидеть, — это лежащую на стульчике одежду. Кажется, длинный махровый халат и несколько полотенец... Только вот я не могла заставить себя завершить водные процедуры и выйти к нему.

Когда вода начала остывать, я наконец убедила себя, что он все поймет и без моих оправданий. Он ведь эмпат. Он поймет, что я не специально. Надеюсь...

Но почему халат? Быстро вымывшись, я торопливо вылезла из ванной и тут же убедилась в своих предположениях. Да, именно халат. Хмуро осмотрев пол, констатировала — мою одежду и сумку унесли. Все, вплоть до нижнего белья, причем нового не выдали. Глупо как-то... Зачем ему мое тело, если он питается лишь эмоциями? Или слухи лгут, и телом он тоже не брезгует? Зачем тогда сейчас вышел из ванной?

Вопросы плодились с бешеной скоростью, пока я одевалась, их стало столько, что разум предпочел абстрагироваться и просто выбросить все из головы. Мне было уже все равно.

Из ванной я вышла, полная решимости закончить все сегодня. Он был прав — он может мне помочь. Он может выпить мои эмоции. Он может сделать так, что я перестану рыдать каждый вечер и ненавидеть мир каждое утро. Он может... Может убить меня быстро.

— Анна, вы меня неправильно поняли.

Наверное, я слишком громко думала, потому что внизу меня встретили чрезвычайно недовольным взглядом. Кирилл стоял у подножия лестницы, словно специально ждал. Уже успел переодеться в сухое: светло-серые брюки и чуть более светлого оттенка рубашку, рукава которой были закатаны до локтя. Волосы он не сушил, и теперь они вились темными, влажными кольцами, отчего хозяин дома сейчас был похож на испанца.

— Ждал.

Как же это неприятно, когда твои мысли не только твои...

— В мире есть вещи куда более неприятные.

Судя по тому, что он отвечал на мои мысли, он больше не собирался щадить мои чувства, и сейчас разговор пойдет о таких вещах, после которых все это покажется сущей ерундой.

— Вы правы.

Как мило...

— Пройдемте.

Мужская ладонь галантно указала на дверь, расположенную чуть дальше по коридору. Я прошла в комнату. Как оказалось, это был кабинет. Странно... Он делает «это» в кабинете?

— Нет, Анна. В кабинете я решаю рабочие вопросы.

Интересно, если я подумаю о нем плохо... в смысле, совсем нецензурно...

— Я не удивлюсь.

Кирилл скривил губы в ироничной усмешке и прошел за большой рабочий стол из черного дерева. Сел, вальяжно откинулся на спинку кресла, переплел руки на груди и начал меня рассматривать так, словно впервые увидел.

— Анна, вы не поверите, но я действительно вижу вас впервые. Мало того, я очень удивлен. Признаюсь честно: я просто хотел помочь той, в чьих глазах было слишком много дождя. Теперь же... Вы чересчур громко думаете. Садитесь.

Демон говорил тихо, но так уверенно, что я потрясенно открыла рот и послушно села в кресло, на которое мне указали ладонью. То есть я?..

Это шутка?!

— Нет, Анна. Это не шутка. Скажем так — это нелепая случайность. Вы не нужны мне в качестве закуски. Я «ел» меньше недели назад и ближайšie три недели не нуждаюсь в подобных «деликатесах». Кстати, попытайтесь вернуть защитный блок на место, вы думаете так громко, что мне неприятно.

— Я не могу... — прошептала я. Мозг отказывался думать и анализировать.

Я в логове монстра только потому, что он пожалел ту, кого обрызгал...

— Анна, я не монстр. — Серые глаза снова недовольно потемнели, а губы на мгновение поджалась. — Если уж на то пошло, то вы монстр больший, чем я. Я хоть чистокровный...

Спасибо за напоминание. Криво усмехнувшись, я попыталась взять себя в руки. Ладно. Меня не выпьют досуха. По крайней мере сейчас. Тогда зачем я здесь? Не став задавать вопрос вслух, потому что это было бессмысленно, я чуть наклонила голову набок. Так зачем? Мне ответят?

— Возможно... Вам никто не говорил, что у вас очень красивые глаза?

Бред...

— Совсем нет. Цвет спелой вишни... Аристократический, королевский цвет. Вы знали, кем был ваш отец?

— Да.

Так вот оно что...

— Нет, Анна, вы ошибаетесь.

Но...

Я уже ничего не понимала, а потому задала вопрос вслух:

— Кирилл, что вам от меня надо?

— Ваше счастье.

— Что? — Мне показалось, что я ослышалась. Что за бред?

Пожиратель — и счастье?

— Почему нет?

— Нелепо... Зачем вам мое счастье? — От непонимания я начала хмуриться, неприятно кольнуло в виске. Черт... Мигрень. Как не вовремя...

— Скажем так — оно мне необходимо потому, что я так решил.

— Бред...

— Возможно. — На его губах обозначилась странная, какая-то угрожающая улыбка. — Если вам так будет легче, то можете думать, что я буду добиваться вашего счастья для того, чтобы его съесть.

— Но... но зачем? Не понимаю. — Я правда не понимала.

Это было глупо. Можно пойти в любой клуб и найти там тонну счастья. Зачем возвращать его в той, кто не хочет жить, но слишком труслив, чтобы совершить самоубийство?

— Затем, что это будет моим развлечением и одновременно вашим наказанием. Я ведь монстр... — Пожиратель снова неприятно усмехнулся и кивнул на дверь. — А теперь идите. Второй этаж. — Многозначительный прищур и ехидное дополнение: — Налево.

Ах так? Что ж... В душе всколыхнулся такой сильный протест от подобного обращения, что из кабинета я вылетела, едва не снеся с дороги служанку. Значит, деликатес. Значит, развлечение. Значит, изысканный десерт... Слышала я о нем нечто подобное, но не верила. Видимо, зря.

Замерев на площадке второго этажа, я поняла, что первый раз за эти недели испытываю что-то, отличное от тоски, горя и раздражения. Возмущение. Яркое, незамутненное. Да как он посмел?! Да что он о себе возомнил?! А вот не пойду я налево! Мне направо ходить понравилось!

Решительно шагнув направо, я вошла в хозяйские покои, но моего глупого порыва хватило лишь до дверей спальни. Что я делаю? Замерев в дверях и заторможенно рассматривая большую комнату с огромной кроватью, я понимала, что совершила глупость и теперь прежде всего в своих глазах выгляжу идиоткой, но вернуться и пойти туда, куда сказали, не могла. Просто застыла, как физически, так и мысленно.

— Анна, у вас странные понятия о направлениях.

Когда позади раздался чуть недовольный, но при этом насмешливый голос хозяина покоев, я даже не вздрогнула. Лишь нервно дернула плечом.

— То есть вы настаиваете? — Мужчина шагнул ближе.

— Да.

— И вы думаете, что можете заинтересовать меня своей пустотой? — Кирилл подошел еще ближе и оперся плечом о дверной косяк, нависнув надо мной. Рост у него был не меньше двух метров, тогда как у меня — чуть меньше метра семидесяти. — Анна, думаю, я не удивлю вас, если скажу, что вы не просто пресная — вы протухшая. Вы мне неинтересны. Сейчас неинтересны...

С этими словами его взгляд стал таким многозначительным, что меня передернуло. Какой бред. Зачем? Зачем говорить жертве, что она станет жертвой? Причем не сейчас, а потом. Потом, когда перестанет болеть...

— Почему нет? — Кирилл склонился ниже, и мне некуда было деться, поэтому пришлось лишь поджать губы. — Анна, не бойтесь. Вы ведь хотели умереть? Обещаю, вы умрете. Просто чуть позже. Но сначала вы станете счастливой. Смерть от счастья — это здорово, поверьте.

Как дико...

— Я могу уехать домой?

— Нет.

Логично, но спросить я была должна.

— Сколько у меня времени?

— Вы будете жить здесь до тех пор, пока не станете счастливой и я не решу, что настало время расплаты за ваши прегрешения.

Нереально...

— Реально, Анна. Очень реально. А теперь идите. К себе. Налево.

Бред...

Бледная. Худая. Потерянная. Одинокая. Почему он решил поступить именно так? Сам не знает... Зачем сказал так двусмысленно? Наверное, затем, чтобы попробовать вернуть ее к жизни.

Жалость? Да, скорее всего. Ему не чужды подобные эмоции. Мало кто знал, а еще меньше кто верил, но он не монстр. Он просто делает свою работу. Ну и что, что сейчас он решил помочь, не сказав всей правды? Это его обязанность — помогать обществу и реанимировать тех, кто в этом нуждается. А уж какими методами, он решает сам. Это его право. В любом случае эта девочка еще не заработала себе на смертную казнь, но вот на кое-какое наказание — несомненно.

ГЛАВА 2

На этот раз я действительно отправилась в комнату слева и, как только открыла дверь, сразу поняла — это гостевая. Обстановка отличалась разительно — всего одна комната, без гостиной, без дорожных картин, без бесценных статуэток. Кровать большая, но не королевских размеров. Ковер мягкий, но не такой шикарный, как у хозяина дома. Мебель качественная, но без тех изысков, которые были в соседних комнатах.

Стильно, дорого, но без кичливости и перебора.

Он мог себе это позволить...

Усмехнувшись своим мыслям, я прошла в комнату, плотно закрыла за собой дверь и отметила, что изнутри на ручке есть блокиратор. Тут же повернула и убедилась, что замок и вправ-

ду работает. Хотя глупо радоваться крохотному замочку, ведь открыть его проще простого, в крайнем случае, можно без особого труда выломать дверь.

Какие-то у меня странные мысли.

Мотнув головой, открыла замок и отправилась изучать свое временное пристанище. Я не тешила себя глупыми надеждами и мечтами. Кирилл, насколько я знаю, никогда не бросал слов на ветер, и я уверена, что совсем скоро он сделает все, чтобы я стала счастливой, а затем выпьет мои эмоции так, как некоторые пьют коллекционный коньяк. Смакуя по капле, перекатывая янтарную жидкость на языке и, наконец, улыбаясь, когда бесценный напиток приносит желаемый эффект.

Демоны, пожирающие эмоции, очень редки в нашем мире, а демоны такой силы, как Кирилл, так и вовсе уникальны. И страшны они тем, что питаться им необходимо регулярно, иначе они становятся опасны для окружающих. Он эмпат и телепат одновременно. Считывает даже те мысли, что скрыты глубоко в подсознании. Судья и палач в одном лице.

С существованием этих демонов все давно смирились, потому что уничтожить пожирателя эмоций почти невозможно. Общество поступило умнее — оно предоставило этим демонам возможность вершить суд и питаться теми, кто так или иначе преступил закон. Теперь они маршалы. Правосудие в последней инстанции.

Мозг же самих пожирателей был устроен таким образом, что сами они почти никогда не совершали правонарушений, их это просто не интересовало. С малых лет они воспитывались с убеждением, что необходимо чтить и исполнять букву закона. К моменту, когда пожиратель морально и физически оказывался готов стать судьей, его тестировали свои же родичи, и лишь тогда, когда получали стопроцентные доказательства, что демон будет идеальным законником, давали ему пожизненное звание маршала.

И тогда у региона появлялся свой пожиратель.

Отстраненно перебирая в памяти все, что когда-либо слышала или читала о маршалах сама, я подошла к окну. Дождь... Скользнув взглядом по огромным распашным створкам, отметила, что в гостевой комнате есть балкон, и недолго думая открыла дверь, шагнув наружу. Балкончик был крохотным, но мне места хватило. Прикрыв глаза и подставив ливню лицу, я

со странным наслаждением ловила каждую каплю дождя. Кожей, волосами, губами...

Я снова намокла, причем практически сразу, но не обращала на озноб никакого внимания. Папа подарил мне крепкое здоровье, чтобы я могла переживать о подобной мелочи, как майский ливень.

Монстр... Он назвал меня монстром. А ведь верно. Дочь сирены и огненного демона из правящей ветви. Демона, который отрекся от семьи, чтобы уйти с любимой. Его родственники были категорически против, но отец слишком любил мать. Он наплевал на титулы, он порвал со всеми, кто пытался ему препятствовать, даже имя сменил вместе с континентом и никогда ни о чем не жалел.

Соленый дождь стекал по моим щекам, а я улыбалась, вспоминая его наставления.

«Никогда не слушай общество, Лирри. Оно слишком зациклено на соблюдении искусственных правил, которые само же и придумало, чтобы себя же и ограничить. Живи сердцем, милая. Оно у тебя горячее... но благородное».

Горячее... Обхватив себя руками, я горько улыбнулась. Оно и правда когда-то было горячим. Теперь же оно остыло и больше не хочет биться.

Монстр, рожденный двумя чистокровными представителями иного мира. Монстр, воплотивший в себе гены обоих родителей и сочетающий их невообразимым способом. Монстр, имеющий три ипостаси и успешно этим пользующийся как на работе, так и вне ее. Как для благих дел, так и для не слишком законных. Монстр, потерявший все свои возможности в одночасье. Я преступала закон, и не раз, но никогда не думала, что наказание будет таким... убийственным.

— Ты решила умереть от пневмонии?

Недовольный голос Кириллы раздался слишком неожиданно и слишком близко, так что я вздрогнула.

Но не обернулась.

— Анна, зайди в комнату.

«Хм... А то что?»

Глупое, детское упрямство решило явить себя во всей красе, и я отрицательно мотнула головой, так и не обернувшись.

— А мне ты показалась более умной... — Он передвигался бесшумно, и поэтому, когда его слова прозвучали прямо в ухо,

я снова вздрогнула и попыталась отшатнуться, но его руки не позволили мне отстраниться — схватили за плечи и прижали меня к его груди. — Значит, ты решила выяснить величину моего терпения? Зря. Мое терпение не безгранично. И если ты и дальше будешь относиться к своему здоровью подобным образом, то я введу ограничения на перемещение.

— Отпусти.

Он первым перешел на «ты» (ну, если не считать нашего знакомства), поэтому я не видела смысла больше выкать своему будущему убийце.

— Обязательно. Но не здесь. — Без особого труда заведя обратно в комнату, демон развернул меня к себе лицом и недовольно нахмурился — я снова была абсолютно мокрой. — Я зашел позвать на ужин, но теперь вижу, что тебя вообще нельзя оставлять одну. Что ж...

Молчание затягивалось. Он не прекращал меня рассматривать, как не торопился и убирать руки с моих плеч.

Балконную дверь он так и не закрыл, и теперь вечерний ветер неприятно охлаждал босые ноги и забирался под халат, от чего по телу бегали мурашки.

Наконец он заговорил:

— Объясняю нехитрую истину — совершив преступление и попав в этот дом, ты стала моей собственностью. Таковы законы, и ты их знаешь. А я привык, чтобы моя собственность находилась в идеальном состоянии. Понимаешь?

«Не совсем...»

— Хорошо, скажу иначе. Сейчас ты вредишь самой себе. И раз уж моей целью является твое счастье, значит, я лично возьму под контроль все твои действия.

Он сказал это так, словно я должна была понять. Но я все равно не поняла. Служанку ко мне приставит, что ли? Или тюремщика?

— Хуже, Анна. Намного хуже. — На его губах обозначилась трудноопределимая усмешка. Он взялся пальцами за пояс халата и начал развязывать узел. — Я буду контролировать тебя лично.

— Но...

И все равно я ничего не понимала. Лично? Что это значит? Как именно «лично»? Будет следить за каждым моим шагом? За каждым моим действием? За каждым моим вздохом?

— Верно. Все верно. Я буду рядом даже в моменты, когда ты будешь принимать душ. Я буду рядом даже ночью. Я буду рядом всегда.

— Но это глупо! — Дернувшись, когда пояс поддался и полы халата начали расходиться, я попыталась вырваться, но он держал крепко.

Мало того — одной рукой держал, а второй раздевал.

— Прекрати!

Вместо ответа он усмехнулся и снял с меня халат, в итоге уже через несколько секунд я стояла перед ним полностью голая.

— Кирилл!!!

— Не кричи. У меня прекрасный слух. Анна, мне не нужно твое тело. Поверь, видел и получше. Мне всего лишь необходимо твое счастье.

— Счастье? Вот так?! — Многочисленные эмоции накатывали одна за другой, и я уже не вырывалась — я стояла и гневно сжимала кулаки.

Ярость, злоба, раздражение, ненависть. А вот страха не было.

— Почему нет? Пути могут быть разными, главное — результат. И поверь, я всегда добиваюсь результата. — Его взгляд бесстыже скользнул по моей обнаженной коже, исследуя каждый ее миллиметр. — Кстати, забавные татуировки... так ты из рода воздушных сирен? Необычно... Девичья фамилия твоей матери случайно не Пейсино?

«Откуда...»

— Ладно, одевайся.

Неожиданно отступив на шаг назад, еще через секунду он сел в кресло, кивнув мне в сторону кровати. Там лежала одежда, видимо, принесенная служанкой.

— Выйди.

— Нет, Анна, я не выйду.

Это было унижительно. Это было так унижительно, что я не нашлась, что сказать. Посмотрела на одежду, на него, а затем на дверь ванной. Мне вдруг показалось, что я нашла решение. Если он не хочет выйти, то я сама могу уйти. Хотя бы в ванну.

— Нет.

Чертов телепат!

А вот останови!

Не слишком рассматривая, что конкретно беру, я подхватила все, что было на кровати, и успела сделать всего шаг, но Кирилл успел подойти к ванной первым, услужливо открыв ее дверь и встав на входе.

Причем так, что дверь я бы закрыть не смогла.

— Издеваешься?!

— Немного.

Быстрый и, судя по всему, честный ответ слегка обескуражил. Ничего не понимаю... Что за глупые игры? Что за ненормальное поведение? Что за бред... Нет, это все бред.

Голова отказывалась соображать и анализировать. Мысли были одна глупее другой. Извращенец. Вуайерист. Больной. Просто ненормальный...

— Да, есть немного. Одевайся, ужин стынет.

Он беззастенчиво слушал мои мысли и, не стесняясь, комментировал все, что считал нужным. Я же, сделав пару шагов внутрь, замерла и не могла себя заставить начать одеваться. Я просто не верила, что это реальность. Дикая. Сумасшедшая. Всего два часа назад я была на работе, а сейчас нахожусь в доме больного маньяка, где пообещали сделать меня счастливой, чтобы в дальнейшем съест. Но какими методами?!

— Помочь?

Я снова стояла к нему спиной, поэтому шепот, вновь прозвучавший на ухо, едва меня не добил.

— Прекрати! — Я выронила вещи, дернулась, рывком обернулась и снова оказалась в его объятиях. На этот раз он ухватил меня за талию. — Ты больной! Нельзя добиться счастья так! Ты меня унижаешь! Ты меня злишь! Ты меня бесишь, в конце концов!

— Это хорошо. — Мужские губы изогнулись в ироничной улыбке, и, подавшись вперед, он заглянул в мои глаза так глубоко, словно пытался посмотреть прямо в душу. — Это очень хорошие эмоции, Анна. Сильные. Незамутненные. По-своему вкусные и определенно верные. И самое главное — ты не сказала, что я тебя пугаю, я тебя именно раздражаю... Как мило. Необычно. Уникально даже...

Его голос зазвучал тише и несколько интимнее. Серые глаза стали больше, а губы — ближе. Горячие руки жгли мою ледяную кожу словно два клейма. Почему-то бросило в дрожь... А он вдруг усмехнулся и тем же интимным шепотом спросил:

— Мне тебя одеть?

Что... Ах так?! Зло прищурившись, я выпалила:

— Да!

— Желание дамы — закон... — Усмешка его стала шире, а в глазах промелькнуло что-то такое, что меня испугало.

Действительно испугало. Он псих. Он точно псих!

— Я проходил медосвидетельствование буквально пару недель назад. Поверь, я абсолютно здоров.

Выпустив меня из рук, он наклонился и, перебрав лежащие на полу вещи, первыми взял трусики. Я никогда не считала себя ханжой, но сейчас краска стыда заливала мое лицо, шею и все тело.

— Ножку, пожалуйста...

Понимая, что необходимо подчиниться и закончить с этим как можно быстрее, я закусил губу, послушно подняла ногу, но едва не упала, и пришлось схватиться за первое попавшееся. За его плечи.

Позор... Какой позор.

Не став ничего комментировать, словно это было в порядке вещей, он абсолютно спокойно попросил:

— Вторую.

Затем начал поднимать руки выше и, наконец, надел на меня весьма неприличное нечто, которое, судя по всему, должно было заменить собой трусики. Никогда не любила красный.

— Тебе идет. Ты ведь наследница огненного рода.

Поджав губы от подобного неуместного напоминания, я старалась смотреть куда угодно, но не на него. Руки с его плеч я убрала сразу же, как только в этом отпала необходимость, а он все сидел на корточках и перебирал вещи.

— Так... да, это.

«Это» оказалось платьем. Нежно-розовым, шелковым, очень простого кроя — скорее, даже ночная рубашка, а не платье, но закрытая ночная рубашка. А может, просто такое домашнее платье?

Кусочек ткани доходил мне до середины бедра, лиф не скрывал того, что под ним нет бюстгалтера, беззастенчиво обрисовывая соски, и, если бы я уже не была пунцовой, то сейчас бы точно покраснела.

Старательно поправив бретельки, Кирилл остался абсолютно невозмутим, словно одевал не обнаженную девушку, а манекен. Затем он прошел вглубь ванной комнаты, достал с полки полотенце и накинул мне его на плечи, распределив мокрые волосы поверх.

— Идем, — одной рукой собрав не понадобившиеся вещи, Кирилл снова встал, второй рукой взял меня за запястье и потянул к двери. В спальне бросил одежду на кровать, затем подвел меня к комоду, рядом с которым стояли две пары обуви — розовые плюшевые тапочки и черные лакированные туфли на пятисантиметровом каблуке, и кивнул на тапочки: — Надевай.

Надела.

— Прощу... — Открыв дверь в коридор, он так и не выпустил моей руки и повел вниз.

Я не сопротивлялась. Я просто устала и решила закончить этот день как можно скорее. А это, похоже возможно лишь в том случае, если четко выполнять его приказы.

На первом этаже мы прошли по левому коридору, повернули и, наконец, вошли в комнату, где был накрыт стол на двоих.

Никогда не сидела за подобными столами. Необычно, непривычно, изысканно...

Послушно сев на место, к которому он меня подвел, я бездумным взглядом скользила по богато сервированному столу. Ваза с цветами, свечи, множество столовых приборов, незнакомые блюда...

Мы не были бедны, но и к богатым нас отнести было нельзя. Скорее, средний класс. Четырехкомнатная квартира улучшенной планировки в хорошем спальном районе в доме с консьержкой. Две машины. Ежегодный отдых за границей. Хорошая одежда, качественные продукты. Но никогда я не сидела за шикарным столом в частном двухэтажном доме в огромной комнате, которая была предназначена только для приема пищи.

— Покормить?

Недоуменно переведя взгляд на севшего напротив демона, я сначала нахмурилась, пытаясь осмыслить заданный вопрос. Спустя пару секунд до меня дошел смысл, и я резко мотнула головой. Еще чего не хватало!

— Тогда ешь.

Спасибо...

Без особого желания наложив себе в тарелку каких-то деликатесов, я просто ела, не чувствуя вкуса. Вилка, нож, тарелка, блюдо... Цветок, свеча, еще одно блюдо... Безмолвная служанка в строгом коричневом платье и белом переднике... Кирилл.

— Поела?

Кажется, вопрос был задан уже не первый раз, по крайней мере, на это намекал его тон.

Посмотрела в свою пустую тарелку, чуть подумала, а затем кивнула:

— Да.

— Чай, кофе, сок?

— Чай.

— Люси, два чая в мой кабинет.

— Хорошо. — Поклонившись, немолодая женщина торопливо вышла.

Демон же, вытерев губы салфеткой, встал и махнул мне рукой.

— Идем, мне еще необходимо поработать.

А при чем тут я? Не став задавать вопрос вслух, чуть нахмурилась. Зачем он мне это говорит? Какая мне разница, чем он будет заниматься?

— Потому что все это время ты будешь рядом со мной.

«Глупость какая...»

— Необходимость. — Его губы дрогнули, словно он пытался скрыть улыбку, и, так как я не торопилась встать, демон подошел ближе и взял меня за руку как маленькую. — Анна, не упрямясь. Поверь, я добиваюсь своего любыми способами. Хочешь узнать их все?

Сказано это было таким многозначительным тоном, что я поторопилась отрицательно мотнуть головой и встать.

— Нет.

— Хорошая девочка...

«Девочка. Хорошая. Слышал бы тебя папа...»

Пытаясь подавить в себе боль воспоминаний, я послушно плелась за ним. Мы действительно перешли в кабинет, где меня усадили в одно из глубоких, мягких кресел. Рядом со мной на низкий столик положили стопку книг, выбранных с ближайшего стеллажа. Еще через пять минут Люси принесла поднос с чашками, заварочным чайником, сахарницей, сливочником, ложечками и несколькими видами печенья.

Кирилл, взяв свою чашку, устроился за рабочим столом и, полностью потеряв ко мне всяческий интерес, углубился в чтение многочисленных бумаг, лежащих перед ним несколькими неравными стопками.

Ничего не понимаю. То есть теперь я должна быть рядом с ним везде-везде?

— Верно. А теперь постарайся думать потише, я работаю. Почитай что-нибудь. Ты ведь любишь читать? — не подняв взгляда от документа, он обратился ко мне настолько иным, сухим и деловым тоном, что я в очередной раз растерялась. — «Робинзон Крузо», «Джейн Эйр», «Двенадцать стульев», «Мастер и Маргарита»... Выбери что-нибудь, отвлекись. Я буду занят ближайšie два-три часа. Если хочешь что-то еще, посмотри сама, художественная литература — на ближайшем к тебе стеллаже. Все, я работаю.

Да-а-а...

Посидев минут пять в очередном ступоре, я признала, что он прав. Читать я любила, да и предложенная подборка была неплохой. Лирику, романтику и драму сейчас не стоит, а вот что-нибудь юмористическое... Да, пожалуй, «Двенадцать стульев» стоит перечитать. Классика жанра все-таки.

Отстраненно отметив ее выбор, он ничем не высказал своей иронии. Авантюристка. За этот вечер он прочел немало ее мыслей и воспоминаний, чтобы определиться с приговором. Несомненно, она заработала наказание, но, на ее беду, не смертельное.

Да и нельзя просто так убить наследницу древнего огненного клана... пускай и слегка нечистокровную. А ведь буквально еще года два назад ее положение было иным. Он ежедневно просматривал как городские и региональные, так и мировые новости и знал, что за последние несколько лет резко уменьшилась численность именно этого клана. Семейные разборки... Огненные демоны всегда были чересчур вспыльчивы и не стеснялись в методах.

Позавчера умер (что удивительно — от старости) ее дед. Теперь она третья в списке на огненный трон и единственная женщина, пускай и с потухшими способностями. Но даже несмотря на это — невероятно выгодная партия и реальная угроза первым двум кандидатам — ее дяде и кузену, которые заме-

чены в стольких правонарушениях, что ее собственные по сравнению с этим — детский лепет. Как иронична судьба...

Интересно, хватит ли им наглости попытаться убить ее у него дома? Опыт будет забавным. Да, определенно, судьба благосклонна к нему и его затянувшейся хандре — ближайшие несколько месяцев будут явно насыщенными на события.

Интересно, как сильно она разозлится, когда узнает его реальные планы?

ГЛАВА 3

На удивление, книга действительно меня захватила. Пролыстывая некоторые моменты, я зачитывалась теми, что нравились мне больше всего, и не заметила, как за окном совсем стемнело. Да и в кабинете было столько света, что сумерки несколько не повлияли на освещение.

И лишь тогда, когда Кирилл навис надо мной, я подняла на него удивленный взгляд.

— Идем, я закончил. Книгу оставь на столике, завтра дочитаешь.

— Но я... — Мне стоило лишь взглянуть в его недовольно прищуренные глаза, чтобы понять — отказ не принимается.

«Иначе что?»

— Могу загипнотизировать, могу просто закинуть на плечо и отнести в нужном направлении.

Ответ был ироничным, но вызвал во мне лишь недоверие. Очередной бред...

— Анна, пора уже понять — я не бросаю слов на ветер. У тебя, как всегда, два варианта: послушаться и сделать самой либо вынудить меня поступить так, как будет удобно мне. А уж как именно будет мне удобно, ты выбирать не вправе.

— Тебе просто скучно и ты развлекаешься за мой счет, да? — Я отложила книгу и встала, тут же отступив в сторону, чтобы он надо мной не нависал. — Не пойму, в чем тут развлечение? Приказы без права на слушание? Неужели мало слуг?

— Слуг достаточно. Тут дело в ином... — Снова взяв за руку, демон вывел меня в коридор и отправился на второй этаж. — Дело в тебе и твоём наказании. Дело в моём желании выполнить свое обещание. Просто смирись. Тебе ведь без разницы,

как жить, лишь бы поскорее умереть, верно? — Во взгляде, как и в голосе, проскользнула ничем не прикрытая ирония, и он добавил, на втором этаже повернув направо: — Поверь, мои методы максимально действенны и быстры.

«Стоп. Мы куда идем?!»

— В мою спальню. Я ведь сказал, что буду рядом даже ночью. А так как моя кровать больше... — Без труда удержав мою руку, когда я дернулась, демон саркастично приподнял бровь. — Что такое?

— Я не собираюсь спать с тобой!

— Не спи. — Беспечно пожав плечами, он словно не замечал моего сопротивления. Прошел в спальню и закрыл дверь изнутри на ключ, который сначала вынул из кармана брюк, а затем вновь убрал его обратно. А на мой возмущенный взгляд вновь беспечно пожал плечами. — Предосторожность от твоей же глупости. В туалет пойдешь?

— Издеваешь-ш-шься?! — угрожающе зашипев, я выдернула руку и шагнула назад.

— А что такое? Или ты больше туда не хочешь? Гарантирую, подсматривать не буду.

Боги, за что мне это?! Мысленно сплюнув, я старалась не ускорять шаг, при этом прекрасно понимая, что он все равно слышит мои мысли. А они были крайне нецензурными. Все.

Всего за несколько часов я испытала столько ярости и злости, сколько во мне не было за всю жизнь. Он издевался, открыто, не скрывая этого.

Счастье... Мне кажется, у нас с ним абсолютно разное понимание этого слова. Как можно заставить меня испытывать это светлое чувство подобными методами? Не понимаю.

Максимально быстро сделав все свои дела, я успела лишь шагнуть к душевой кабине, когда он бесшумно появился в дверном проеме. Вздвогнув, замерла. Он же, словно так и надо, начал медленно расстегивать пуговицы своей светло-серой рубашки, при этом неумолимо приближаясь. Не поняла...

— Вместе, Анна. Все вместе. Туалет, так и быть, будешь посещать одна, но все остальное — вместе.

Идиотизм. Моментально передумав принимать вечерний душ, который за эти недели стал для меня неизменным ритуалом, я не успела шагнуть в сторону, а он уже стоял напротив в расстегнутой рубашке и тянулся к подолу моего платья.

— Не тронь! — Уперев ладони ему в грудь, я попыталась оттолкнуть, но это было все равно, что толкать гранитную глыбу. Он не шелохнулся, лишь удивлено приподнял бровь.

— Анна, ты снова забываешься — ты моя собственность.

Тихие слова вызвали новую волну гнева, и я, зарывчав от бессилия, стукнула кулачками по его груди, не представляя, что сделать еще. Он был прав и знал это. Я тоже знала и могла лишь покориться.

— Хорошая девочка... — Без особого труда сняв с меня платье и бросив его на низенький широкий пуфик, демон шагнул к душевой кабине и сначала настроил воду. И лишь после этого вернулся ко мне и в два счета избавил от белья.

Сам, кстати, раздеваться не торопился.

Стоило мне об этом подумать, как он иронично хмыкнул и снял рубашку, явив моему смущенному взгляду свое практически безупречное тело. И когда только успевает... был у меня один знакомый культурист, так ему для подобного эффекта приходилось ходить в качалку минимум четыре раза в неделю и проводить там по два-три часа. Тут же...

— На цокольном этаже есть тренажеры и бассейн. Мне хватает двух раз в неделю. — Ответив на мои невысказанные мысли, он взялся за ремень и, нисколько не стесняясь моего замершего взгляда, расстегнул сначала его, затем брюки и так же спокойно снял их, оставшись в черных «боксерсах».

Мамочки мои... Нереальность происходящего зашкаливала, так что я, зажмурившись, мотнула головой, не в силах уйти в душевую кабину. Его присутствие меня словно замораживало. Затормаживало. Отключало мышление и вводило в ступор.

— Расслабься. — Как он оказался сзади, я не совсем поняла, но он снова шептал мне в ухо, а его горячие руки легли на мою талию. — И когда это огненная демоница со взрывным характером и собственным мнением обо всем на свете стала безвольной, стеснительной глупышкой? Я же сказал — не трону. Да, именно в том самом плане, о котором сейчас все твои мысли.

— Зачем тогда эта двусмысленная ситуация? — Открыв глаза, я попыталась шагнуть вперед, в душевую кабину, но он не пустил. — Кирилл?

— Эмоции, Анна. Все дело в эмоциях... — Демон интимно прошелся по моим бедрам ладонями, а потом легонько подтолкнул к кабине. — Что ты знаешь о том, как мы питаемся?

Что? Горопливо забравшись в душ, я принципиально стояла к Кириллу спиной, не собираясь смотреть на абсолютно голого маршала. Почему-то я была уверена, что сейчас он уже голый.

Что значит — как?

— То есть не знаешь?

Озадачившись всерьез, я даже нахмурилась. Старательно вспомнила все, что когда-либо слышала или читала, и в итоге признала, что действительно не знаю. Всем известно, что пожиратели питаются эмоциями, и после этого жертва чаще всего умирает. В редких случаях становится овощем, но лучше уж смерть, чем такое. Но как именно питаются пожиратели... нет, я не знала.

— Мы забираем эмоции кончиками пальцев. Вот так... — Его руки снова обхватили мои бедра, чуть сжали, а затем начали свой неторопливый путь вверх. При этом он касался моей кожи всей поверхностью своих рук — как ладонями, так и теми самыми кончиками пальцев.

Сначала дернувшись, я замерла. Попыталась прислушаться к себе, но ничего не почувствовала. Точнее, ничего отрицательного не почувствовала. Абсолютно.

А почувствовала я... Мысль возникла и сформировалась быстрее, чем я смогла ее заглушить, и Кирилл понимающе усмехнулся, не останавливаясь. Руки его медленно ползли вверх.

Теплый душ мягко ласкал мои плечи, а его пальцы умудрились нежно ласкать мой живот, вызывая во мне полузабытые и такие неуместные сейчас эмоции и ощущения. Я слышала его дыхание и стук его сердца, но это все было несравнимо с тем, как сейчас дышала я. Замирая, сбиваясь, пытаюсь не думать и не чувствовать, но при этом и думая, и чувствуя.

Ладони тем временем дошли до ребер, а пальцы, словно так и надо, скользнули под грудь и чуть ее приподняли, нежно поддерживая.

Нежно... Откуда в нем нежность? Откуда подобное отношение к будущему ужину? Зачем он это делает?

— Страсть — тоже эмоция. Яркая. Терпкая. — Пальцы скользнули выше и обхватили грудь. — Нежность — тоже эмоция, но в тебе ее нет... Кстати, это очень редкая эмоция, и почти никогда она не достается таким, как я. В основном страх... Дикий,

потусторонний ужас, когда жертва понимает, что смерть неизбежна. В тебе страха нет, почти нет. Ты ведь не боишься смерти... — Он прошептал совсем тихо, но я все равно услышала, а затем снова вздрогнула, когда он прижался ко мне всем телом, обняв одной рукой за грудь, а второй — за талию. — Не трясись, не каждое мое прикосновение смертельно. Должность маршала получают лишь те, кто может себя контролировать.

Мужская ладонь обвела мой живот по кругу, словно что-то рисуя, а затем вновь скользнула на бедро. Вторая в это время гладила грудь.

Я вообще перестала хоть что-то понимать. Он сейчас что и зачем делает? И если сейчас он не пьет мои эмоции, какими бы они ни были, то какого черта он меня лапает?

— Почему нет? Тебе ведь нравится. — Его тихий шепот был настолько самоуверенным, что гнев вспыхнул моментально. — Ти-и-ихо... Тихо, девочка. Ярость не то чувство, что я сейчас хочу. В любом случае пожиратели поглощают эмоции окружающих, точнее, их остаточный аромат, причем абсолютно всегда. Он разлит в пространстве, им пахнет твоё тело и твои мысли. И поверь, возбуждение намного вкуснее ярости. Это как изысканный аромат духов. Индивидуальный, эксклюзивный. Смертельным для жертвы является лишь жесткий захват с определенным намерением и настроением. Это как твоё вторая ипостась...

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Почему нет? Мне ведь не нужен твой страх... А всё неизвестное обычно страшит. Если ты будешь знать, что в повседневной жизни я абсолютно безопасен, то даже и не подумаешь меня бояться и впредь. Верно? — и сам же себе ответил, не переставая гладить уже мои ягодицы: — Ве-э-эрно...

Удивленно нахмурившись, я пыталась сложить один плюс один, но из-за того, что он меня отвлекал, у меня неизменно получалось три. А ещё почему-то подрагивали колени. И томно ныло всё внутри. И очень хотелось, чтобы он погладил меня чуть выше, а затем чуть ниже, и вообще... Не успев оборвать себя на этих мыслях, тут же чертыхнулась, когда он выполнил мое неозвученное вслух желание.

— Прекрати!

— Почему?

— Ты обещал... — ответив не очень уверенно, потому что его пальцы в это время скользнули туда, куда нельзя было, я не удержала всхлипа и выгнулась, чтобы ему было удобнее.

Что я делаю... Боги, что я делаю?

— Да, я обещал, что без насилия.

То есть это все потому, что я позволяю ему сама?

— Нет! — вырвалось у меня.

— Ну нет так нет.

Он отстранился так резко, что я пошатнулась и едва успела опереться о стену.

Резко обернулась через плечо, чтобы обласкать его теми словами, что крутились на языке, но они застряли в горле. Демон улыбался так безмятежно, что снова стало страшно.

«Больной...»

— Отнюдь. Шокотерапия, слышала такое слово?

Мотнув головой, чтобы хоть как-то привести мысли в порядок, нашарила рукой бортик и обессиленно на него опустилась. То есть он все это делает лишь для того, чтобы я испытывала эмоции? И не важно, какие?

— Важно. Очень важно. — Сейчас его голос был невероятно нежен.

Эти контрасты в его поведении были настолько разительными, что мой разум не успевал с ними справляться. Ледяная корка, заморозившая сердце и душу три недели назад, покрылась трещинами. Шокотерапия. Действительно, шокотерапия...

— Успокойся. — Выдавив на губку гель для душа, Кирилл опустился передо мной на колени, взял мою ладонь и начал намыливать руку от запястья до плеча. Старательно, но при этом невероятно аккуратно. — Но признай, что я выбрал верную тактику. Твоя защитная броня в последнее время была необходимостью, но сейчас она тебе мешает. И если уж на то пошло, ты должна понять, что для достижения нашей общей цели нам необходимо уничтожить твою апатию и безразличие. Только тогда мы сможем сделать тебя счастливой. Верно?

Губка скользнула по плечу и замерла на груди, а его глаза в это время ловили мой обескураженный от подобных признаний взгляд. В целом он прав, но...

— То есть ты будешь меня бесить, возбуждать, издеваться и прочее только для того, чтобы вывести меня из... — замешкав-

шись, подбирая слова, я в конце концов выдавила: — Из депрессии?

— Верно. Поверь, безотказный метод.

Невероятно...

Зажмурившись, я мотнула головой. Это в ней просто не укладывалось. У меня теперь есть... кто? Нянька? Психолог? Мучитель? Любовник?

— Хочешь? Не проблема.

Он перешел на ноги, умудрившись закинуть мою лодыжку себе на плечо, и теперь гладил коленку, а затем и бедро губкой.

«Больной...»

— Не стоит быть такой категоричной, Анна. Если ты чего-то не понимаешь, то это не значит, что окружающие больны. Порой это означает лишь то, что у них есть цель и они идут к ней теми путями, понимание которых тебе пока недоступно. Подумай над этим на досуге. — Загадочно усмехнувшись, он перешел ко второй ноге, которая так же, как и первая, оказалась на его плече, и мне пришлось вцепиться руками в бортик, чтобы не упасть.

Было ужасно неловко и в то же время пикантно. И вообще...

Закусив губу и стараясь отрешиться от происходящего, я предпочла считать секунды, но взгляд нет-нет да и останавливался на его руках и на его плечах. Скользил по мокрой груди с темными кудряшками волос, затем невольно продолжал движение вниз, неосознанно любовался рельефным животом и...

Нервно сглотнула, увидев, что желания бродят не во мне одной. Причем он этого нисколько не скрывал, иронично улыбнувшись, когда я дернулась и испуганно посмотрела ему в глаза.

— Не поверишь, я не импотент, и вид голый девушки меня возбуждает. Но насилие не мой принцип.

«Не понимаю...»

— Хочешь, чтобы я настоял и взял инициативу в свои руки?

Наверное, мои глаза были абсолютно круглыми, потому что он бережно, одну за другой убрал мои ноги со своих плеч и поддался ближе, при этом начав намыливать мой живот и бока, но делая это настолько эротично, что я моментально покрылась мурашками и едва не выгнулась вслед за его рукой.

Что он делает...

— Получаю удовольствие. Максимально доступное и невероятно терпкое... — Подавшись еще ближе, он оперся рукой справа от моего плеча, но так и не перестал водить по моему телу пенной губкой, иногда касаясь кожи и пальцами. — Классический секс далеко не единственный источник получения наслаждения, поверь.

Нервно улыбнувшись, я дернула плечом. А ведь он прав. Сейчас, выведенная из равновесия и перевозбужденная, я могла признаться прежде всего самой себе, что нуждалась во встряске подобного плана. Мне нужны эмоции. Необходимы. Много. Разных. Сильных. И он мне их давал. Наверняка он был очень опытен в подобном вопросе и знал, как в максимально короткие сроки достичь желаемого...

— Верно. — Губка очутилась на внутренней поверхности бедра и медленно начала свой путь наверх. — Ну так как, Анна? Мне настоять или закончим шокотерапию?

— На... — сглотнув, отрицательно мотнула головой. — Нет. Нет!

— И к чему же мне прислушаться? — хрипло прошептав прямо в губы, Кирилл провел кончиком носа по моей щеке, а потом прикусил мне мочку уха и продолжал шептать, тогда как я едва сдерживала дрожь и стон: — Что мне слушать, девочка? Твои эмоции или твои слова? А ведь они так разнятся... Что из них правда, а что ложь?

— Не надо. Пожалуйста...

Да, он был прав. Тело хотело, тело очень хотело. Оно так истосковалось по ласке, теплу и нежности... Но разум понимал, что это обманка. Разум хотел любви, Кирилл же мог дать только секс.

— Да, ты права. — Беззаботно отстранившись, демон беспечно пожал плечами, а затем и вовсе встал, при этом подняв и меня. Начал старательно смывать пену, объясняя: — Некоторым хватает и секса, многие никогда не познают истинной любви, находя заменители. Фальшивые, всего лишь похожие... иногда очень похожие. Страсть очень часто принимают за любовь. Любовь же на вкус абсолютно иная. Как и нежность. Как и искреннее, незамутненное счастье. Голову мыть будем?

«Что?»

— Ладно, не будем. Ты же мыла ее перед ужином, верно? Верно, — разговаривая сам с собой и отвечая на свои же вопро-

сы, демон в три секунды вымылся сам, выключил воду и, шагнув из кабины, отправился за полотенцами.

Себе взял среднего размера и, тремя скупыми движениями пройдясь им по телу, обернул вокруг бедер. Меня завернул в большое и еще одно накинул на промокшие под душем волосы. Я же в это время стояла в ступоре, даже не пытаюсь сделать что-либо сама. Судя по всему, он уже все распланировал, и мое участие сводилось лишь к моему присутствию.

— Не обязательно. Если хочешь, можем поговорить. Как ты относишься к живописи в стиле романтизма? Мне кажется, стремление художников к свободе, раскованному выражению эмоций, богатству образов было в первую очередь связано с тем, что они решили отвергнуть аристократизм. Наверняка ты знаешь, что этот стиль зародился во Франции на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков. Революция сменялась революцией, чернь требовала прав и свободы, и, естественно, это отразилось и в живописи... Ты меня слушаешь?

Нет. Я не слушала. Точнее, слушала и обалдевала. Какая живопись? Какая, к чертям, Франция? Меня только что раздели, вымыли, перевозбудили, затем кинули, попутно объяснив, что действительно хотели со мной переспать, но можно и отложить. А теперь мы будем разговаривать о живописи?

Он привел меня в спальню, усадил на кровать, а сам отправился к комоду и вынул из верхнего ящика фен.

— Не хочешь?

— А можно выпить?

— Нет.

— Почему?

— В моем доме нет алкоголя.

— Вообще? — Это удивило еще больше.

«Вот прям совсем-совсем нет? И даже красного сухого? И даже водки?»

— Ты не пьешь водку.

«Когда нет ничего, можно и водки...»

Осуждающе качнув головой, он вставил вилку в розетку и махнул рукой, чтобы я подошла.

Подошла. Протянула руку, чтобы взять фен, но он отрицательно качнул головой и указал рукой на стоящий рядом пуфик. «Больной...»